

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Любимая, Татьяна.

Л93 Чудо-чадо и чудовище / Татьяна Любимая. — Москва :
Издательство АСТ, 2025. — 352 с. — (Твой мир любви).

ISBN 978-5-17-170586-2

«Дядя, ты чудовище?» — звучит в шумном кафе странный, но по-детски наивный вопрос.

Это белокурая девочка спрашивает мужчину, чье лицо испещрено пугающими шрамами. Но девочка не видит в нем ни страха, ни угрозы — в ее глазах читается только желание помочь. С деловым видом малышка, так верящая в сказки, дает совет: «Тебя должна поцеловать красавица».

Так начинается волшебная история о том, как детская невинность и вера в чудеса открывают путь к настоящей любви.

Для Елены, матери Маринки, это случайно встреченное «чудовище» становится тем самым мужчиной. Шрамы Дим Димыча скрывают не только внешние раны, но и внутренние, однако любовь, зародившаяся благодаря маленькой девочке, способна исцелить их все.

«Чудо-чадо и чудовище» — это роман о том, как порой именно детская мудрость и смелость открывают взрослым сердца.

Это история любви, где за грубыми шрамами скрываются самые нежные чувства, а чудеса случаются там, где меньше всего их ждешь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Глава 1. Страшно было?

Елена

— Дядя, ты чудовище?

Вопрос пятилетней девочки полетел мимо меня за столик позади.

С замершим сердцем оборачиваюсь посмотреть на того, кого моя дочь окрестила чудовищем. За соседним столиком нашего любимого кафе обедает жареным стейком и салатом мужчина лет тридцати. Сидит ко мне боком, поэтому виден только его профиль.

Волосы черные, аккуратно уложенные, темные густые брови, красивая линия губ, нос прямой. Деловой костюм темно-синего цвета, голубая рубашка, расстегнутая сверху на две пуговицы, стильные часы на руках. Довольно-таки симпатичный. Раньше я его здесь не видела. Интересно, почему чудовище?

Мужчина поперхнулся, закашлял в кулак. Дочь тут же спрыгнула со стульчика, подбежала к незнакомцу и заботливо похлопала его по спине, участливо заглядывая в глаза. Вряд ли ее легкие шлепки помогли ему, но кашлять он перестал. Покряхтел еще немного, смахнул что-то с ресниц, а потом уставился на Маринку мокрыми от кашля глазами. Ресницы у него красивые — густые, темно-коричневые. Шоколадные, как назвала бы их цвет моя дочь.

— Почему это я чудовище? — спросил он ее красивым мягким баритоном.

— Ты на себя в зеркало смотрел? — дочь уперла руки в боки: допрос с пристрастием только начался. Держись, мужик.

— Кхм, смотрел.

— Страшно было?

Мужчина поднес ко рту кулак, снова кашляя, пряча тем самым смех. Только грудь начала ходуним ходить от с трудом сдерживаемых приступов хохота.

Прокашлявшись ~~просмеявшись~~, он повернул в мою сторону удивленные глаза с немим вопросом в них — откуда такое чудо-чадо взялось?

Так вот почему дочь задала тот провокационный вопрос — скрытая от меня половина лица мужчины испещрена глубокими шрамами. Они еще не побелели от времени, а потому пугают багровыми бороздами, неконтролируемо бестактно притягивая все внимание на себя.

Маринка моя заметила эти жуткие шрамы и, несколько не стесняясь, спросила мужчину в лоб:

— Дядя, ты чудовище?

А теперь он смотрит на меня примерно с таким же текстом в глазах и ждет ответа.

Я, смутившись и густо покраснев от стыда за Маринку, пожимаю плечами. С моей дочерью бесполезно разговаривать о тактичности. Проще не мешать, чем отвечать на миллиарды вопросов, почему нельзя задавать людям провокационные, местами ранящие их вопросы. А Маринкины вопросы в данный момент могли ударить по больному — все-таки шрамы жуткие и вряд ли этот мужчина чувствует себя комфортно, нося их на себе. Может, он не приступы хохота прятал в кулак, а плача?

Шрамы действительно портят лицо нашего соседа. Пугают. В первое мгновение хочется убежать от него и забыть. Я думаю, этот мужчина и сам знает, какой производит эффект на окружающих, когда посещает людные места. Обедает вон стейком и сала-

том, игнорируя косые взгляды и шепотки других посетителей. Привык, наверное. С другой стороны, не сидеть же дома один на один со своим отражением, чтобы не травмировать чужую психику?

— Мариночка, у тебя мороженое тает.

Всеми силами стараюсь спасти свою репутацию образцовой матери, репутацию моей непоседы и возможное несварение постороннего человека, который попал под обстрел каверзными вопросами белокурой малявки. Еще и в кафе как назло полно народу — время обеденное, все столики заняты. И мне кажется (надеюсь, только кажется), что все посетители снизили голоса на несколько тонов — подслушивают разговор Марины и этого странного мужчины.

— А мороженое твое любимое — клубничное и фисташковое, — использую последний шанс призвать дочь к благоразумию. — Скоро нагреется.

Даже перспектива есть не мороженое, а теплую пенку от него не вернула мне Марину.

— Так что, страшно? — не отстают настырная девочка от мужчины.

— Немного страшно. А что? — с растущим интересом разглядывает он мою кнопку с двумя пшеничными косичками и в джинсовом сарафанчике. Голову склонил набок и ждет очередные перлы от моей дочери.

— Ты не переживай. Это только поначалу ты страшный. А если приглядеться — то вполне себе ничего мужик.

Господи, откуда моя дочь знает такие выражения? Не из садика же? Неужели подслушивала дамские разговоры в салоне красоты, что недавно посещала моя мама, Маринкина бабушка? Как она может оценивать мужика в свои пять с небольшим лет?

— Спасибо за комплимент.

Я еще ниже склонила голову к тарелке, желая провалиться сквозь землю от этого позора. Жаль,

совсем недавно сделала каре — длины волос теперь не хватает спрятаться от пристального взгляда допрашиваемого. Зато могу разглядеть все шоколадные крошки в своем мороженом и даже сосчитать их. Раз, два, три...

— Кхм, кхм! — нарочито громко прозвучало со стороны соседнего столика. Пришлось поднять глаза, делая самое невинное выражение лица. — Ваше чудо? — спрашивает сосед по столику, обращаясь ко мне. Но мне очень хочется оглянуться и убедиться, что он разговаривает не со мной.

— Наше, наше, — уверенно отвечает за меня Маринка.

Стоит моя кроха, вся такая деловая, выпятив животик. Выставила одну ножку вперед, уперев руки в бока, и пристально рассматривает мужчину. Ему пришлось отвести от меня взгляд и снова обратить внимание на девочку. Мне показалось, что он даже растерялся от ее взгляда.

— А я знаю, что сделать, чтобы ты снова стал красивым, — заявляет, прищурившись, Марина, склонив голову набок, копируя чудовище.

Как думаешь, прокатит?

— А я знаю, что сделать, чтобы ты снова стал красивым, — заявляет, прищурившись, Марина, склонив голову набок, копируя чудовище.

— Марина! — одергиваю девочку, так как она переходит все границы.

Я горю со стыда за ее поведение, уже готова схватить ее за руку и силой утащить из кафе, наплевав на самое вкусное мороженое в городе. Ах, да, надо еще не забыть извиниться перед чудовищем мужчиной. Боюсь представить, что он подумал обо мне как о матери — не умею воспитывать дочь — однозначно. Вон какие красноречивые взгляды кидает этот «красавчик» то на меня, то на девочку.

И зачем я забрала дочь из детского сада так рано? Пришли бы сюда как обычно в субботу. А теперь про субботний ритуал придется забыть на какое-то время. Стыдно будет смотреть в глаза персоналу и завсегдаев этого заведения после того, что учудила моя кнопка. И в кого она у меня такая?

— Марина! — снова требовательно зову ее за наш столик, вкладывая максимально властные нотки в голос, но мужчина вдруг выставляет ладонь, жестом показывая, чтобы я не мешала им с Маринкой общаться.

Замираю на полуслове. И вообще в какой-то момент начинаю чувствовать себя лишней, пока эти двое — моя дочь и незнакомец со шрамами в щеки — миленько так общаются. Зато я успеваю заметить на безымянном пальце отсутствие кольца. Понимаю, что это ничего не значит, многие занятые мужики не носят обручалку под разными предлогами. Тут же одергиваю себя. Какое мне дело, занят этот мужчина или нет? Я же за него замуж не собираюсь!

— Хм, и что же? — все больше увлекается разговором с девчужкой сосед по столику.

Марина подпрыгивает и почти ложится на стол животиком, чтобы стать ближе к своему собеседнику и сказать ему на ухо великую тайну. Две пшеничные косички плюхнулись со спины на стол. Как раз на то место, где несколько секунд назад стояла тарелка с салатом. К счастью, чудовище предусмотрительно отодвинул еду в сторону, едва втянулся в разговор с несносной девчонкой.

Он тоже нагнулся к девочке, чтобы услышать то, что она хочет ему таинственно нашептать на ухо.

— Тебя должна поцеловать красавица, — громким шепотом говорит дочь.

Такое ощущение, что все посетители кафе устали на нас и, замерев, тоже внимательно слушают самый великий секрет вселенной. Кажется, уши у всех

присутствующих превратились в локаторы и развернулись в сторону загадочного голоса малявки.

А коза моя сказала и спрыгнула со стола. Сложила руки на груди и смотрит теперь на мужчину — ждет реакции.

— Ага, сначала поцелуй, а потом женись, — чуть насмешливо реагирует тот.

— Боишься? — щурится дочь.

— Не то чтобы очень...

— Не бойся, это не страшно, — машет рукой Маринка.

— Откуда ты знаешь? — не сдается чудовище.

— Бабуля сказала.

— М-м, — мужчина пару секунд задумчиво смотрит на Марину. — Поцелуй, говоришь?

— Ага, — расплывается от уха до уха широкой улыбкой моя малявка.

— Что ж. Я готов. Целуй.

И тыкает пальцем в середину щеки. Наклоняется к Маришке, подставляя ей красивую часть лица для поцелуя.

— Ты что? — возмущается дочь, тараща на него глазенки. — Я же маленькая! Я могу поцеловать только Сеньку из своей группы. Тебя должна поцеловать взрослая красавица.

Мужчина медленно выпрямляется, также медленно крутит вокруг головой — осматривает посетителей кафе.

Некоторые девушки мгновенно склонились над тарелками, кто-то отвернулся, а кто-то с любопытством следит за нашей троицей, не обращая внимания на свое чадо. И только парни хихикают и переглядываются со своими половинками в ожидании выбора чудовища.

Собеседник дочери останавливает заинтересованный взгляд на мне, быстро осматривает с ног до головы и снова наклоняется к Маринке. Говорит ей, но я-то слышу! И не только я!

— И все? Тогда я сейчас попрошу **твою маму** меня поцеловать. Как думаешь, прокатит?

Только не это! Нет! Нет! Нет!!!

— С **моей** мамой точно не прокатит. Хотя-я...

Тут Маринка сама оглядывается на меня и придирчиво, не торопясь, осматривает, оценивает. Вслед за ней и товарищ этот тоже снова на меня уставился, более дотошно изучая, выгнув дугой бровь. Зеркалю ему гнутые брови. Еще не хватало, чтобы меня разглядывали как помидоры на рынке. Как бы пальцем потыкать не надумали.

Краснея пуце прежнего от такого внимания, стараясь не смотреть на чудовище, я расширяю глаза, показывая дочери, что так не делается и она переходит все границы. Ох, чую, всыплю я ей дома! Не физически, конечно, но серьезный разговор и наказание ей точно светит. Так, что бы придумать? Точно, лишу ее чтения любимых книжек на ночь. А еще оставляю на неделю без мороженого. Ни одного не куплю. Даже малюсенького шарика. И бабуле накажу. И в субботу сюда не придем. Точно!

— Ну... можешь попробовать, — как бы уступая, дает разрешение дочь.

«Ой, коза! Ну держись!»

Ее новому «другу» повторять не надо. В одно мгновение он встает со своего места. Ого, а он тот еще шкафчик: помимо широких плеч, сильных рук, крепкой шеи, что я заметила с первого взгляда, у него оказался еще и высокий рост и красивое сложение.

В один широкий шаг мужчина преодолевает короткое расстояние между нашими столиками, врывается в мою зону комфорта и...

— Можно? — звучит совсем близко.

Я не успеваю пикнуть, как он обхватывает мое лицо двумя огромными теплыми ладонями, поднимает его и впивается своими губами в мой рот...

Глава 2. «Продолжайте!»

Елена

Мама дорогая! На глазах у всего кафе, на глазах у дочери я целуюсь с мужчиной, которого вижу впервые в жизни от силы минут десять. Он ужасен! У него шрамы! Я даже не знаю, как его зовут! Какой пример я показываю дочери?

А он целует...

Долго, жадно, проталкиваясь языком в мой рот, сталкиваясь с моим, кружа вокруг, щекоча нёбо, отчего по всему телу идут сладостные импульсы... Я сижу на стуле, а такое ощущение, будто под ногами и попой нет опоры. Чтобы не упасть в пропасть, я хватаюсь за лацканы пиджака этого наглеца как за спасательный круг, машинально тяну на себя.

Прикрыв глаза, парю, забывая обо всем на свете, в том числе и где я... Все мысли выбило одним махом, стоило чудовищу так нахально завладеть моими губами.

В нос бьет одуряющий запах классного одеколона, заполняет легкие, впитывается в кожу. М-м-м! Как вкусно!

И сам мужчина невероятно вкусный. А его язык вытворяет с моим такое... Это же секс в чистом виде...

Тяжелая широкая ладонь опускается на мой затылок, пальцы зарываются в волосы, притягивают ближе. Плевать на идеально уложенное каре.

«Продолжайте!»

Мы обмениваемся дыханием, сердце забывает, что надо биться.

Я парализованной мушкой, попавшейся в сети коварного паука, смиряюсь и предаюсь потрясным ощущениям, что растекаются кайфом по мельчайшим сосудам и венам. Низ живота закручивает, ноет, в конечностях онемение, а в подушечках пальцев

приятное покалывание миллиардов иголок. И это несмотря на то, что руки мои в какой-то момент переместились на каменные плечи этого гиганта, возвышающегося надо мной, и вцепились в них мертвой хваткой. Исключительно для удержания равновесия.

«Не останавливайся!»

— Что вы себе позволяете? — возмущаюсь, с трудом оторвавшись от ~~самых классных~~ наглых губ чудовища. Шлепаю вдобавок со всей силы ладонью по его груди. — Ай, больно! — трясусь рукой. — У вас там что — бронезилет?

— Всего лишь мышцы. Увы, показать не могу, слишком много посторонних глаз.

Сзади кто-то хихикает. Наверное, те четверо — две девушки и два парня за соседним столиком — услышали нас.

А чудовищу все равно. Стоит надо мной глыбой, все еще согнувшись, и ухмыляется. Ухмылка выходит кривой — шрамы натягивают кожу на лице, и губы ползут не в улыбку, а в болезненную гримасу. Зато другая сторона лица симпатична и приветлива. Чудовище внимательно смотрит на гамму эмоций на моем лице — словно пытается прочесть, какое впечатление он на меня производит. Странно, но отторжения я не чувствую. И жалости тоже.

— Нахал! — единственное, что приходит на поплывший от поцелуя ум.

— Потрясающе...

Я не слышу, не понимаю слов, только вижу, как этот наглец шевелит губами.

А ресницы у него вблизи еще красивее — густые, длинные, и радужка глаз цвета темного шоколада вокруг расширенных чернящих зрачков. Нос с едва заметной горбинкой. Идеально выбритое лицо. Глубокие шрамы.

А вот и те самые наглые губы. Он дотрагивается до них кончиками пальцев. Это... сексуально и порождает совсем неприличные картинки.

— Что? — скидываю с себя морок, силой воли возвращая себя на планету Земля, в родной город, любимое кафе.

— Я говорю, мороженое у вас очень вкусное. Надо себе такое же заказать.

— Сливочное с шоколадной крошкой, — срывается с языка быстрее, чем я могу подумать.

— Отлично, я запомнил.

Его пальцы скользят от губ по щеке, задевают рубцы. Взгляд становится жестче.

Мужчина выпрямляется, разворачивается, отходит от меня. Я же растерянно наблюдаю, как он садится на свое место, потеряв ко мне интерес.

С одной стороны, слава богу, что потерял, с другой, обидно — ~~пома~~тросил поцеловал и кинул.

«Лена, Лена, — выговариваю сама себе, пытаюсь привести в приближенный к обычному ритм сердца, — ты же почти замужняя женщина, а обижаешь-ся на чудовище, что он отстал от тебя!»

Чудовище между тем складывает руки на груди, приготовившись к продолжению разговора с моей дочерью. А у меня под ребрами раздается бой колоколов на разные лады. словно сердце размножилось и каждый кусочек зазвенел своей мелодией.

— Помогло? — изменившимся, с нотками льда, голосом спрашивает чудовище у Маринки.

— Не-а, — дочь внимательно разглядывает лицо мужчины, хмурит белесые бровки.

— Видишь, не работает твоя версия, — так же хмурится сосед, поглядывая на широкий циферблат далеко не дешевых часов на руке. — Есть еще идеи?

«О нет!»

— Мильен! — оживает дочь.

Мужик, не слушай ее, беги! У Маринки в запасе точно есть миллион, а то и парочка миллионов идей, которые на ком-то надо поэкспериментировать, а тут такой удачный экземпляр.

— Жаль, прелестное дитя, на исполнение твоего «мильена» у меня нет времени. Пора на работу.

Оставив недоеденный обед, мужчина поднялся.

— Приятно было пообщаться, барышни, — протягивает руку Марине, пожимает ее пальчики. — Спасибо за десерт.

Последнюю фразу чудовище бросил мне. Из его глаз исчезли те озорные искорки, что зажглись в самом начале общения с Мариной. Сейчас в них кроме необъяснимой пустоты и разочарования я ничего не увидела. Надеюсь, он на полном серьезе не поверил пятилетке, что поцелуй сотрет шрамы с его лица?

Мужчина развернулся и направился к кассе. Только сейчас стало заметно, что он слегка прихрамывает. Расплатился за обед, и через несколько секунд колокольчик над дверью оповестил всех о том, что чудовище покинул кафе.

Ну вот. Испортили обед человеку. Будет теперь ходить голодный и злой. Нехорошо получилось.

Дочь подбежала к окну. Прилипнув к нему мордочкой, несколько минут смотрела на улицу, а потом разочарованно притопала на свое место и плюхнулась на стул.

— Проводила?

— Угу.

Маришка взяла ложку и, подперев кулачком голову, начала ковыряться в воздушной разноцветной пенке, что осталась от растаявших шариков мороженого. Глядя на ее потухшее личико, ругать и отчитывать свое чадо за неподобающее поведение с незнакомыми людьми мне расхотелось. Она сама расстроилась, что ничего не вышло. И у меня остался неприятный осадок от испорченного обеда незнакомому человеку.

Сидим, молчим, гипнотизируем пиалы. Дети, взрослые, подростки группками — все вокруг ходят, разговаривают, едят. Музыка негромко играет. Все как всегда в кафе и ничего не напоминает о случив-

шемся инциденте. Только у меня губы до сих пор горят, в голове кисель, да дочь в упадническом настроении.

— Мам, — Марина поднимает на меня синие-синие грустные глазки. — Почему поцелуй не сработал?

— Не знаю, доча, наверное, потому, что мы не в сказке живем, а в реальном мире?

Она упрямо качает головой — не то я говорю, не верит она.

— Знаешь, — выдвигаю еще одну версию, — когда-нибудь этого дяденьку полюбит хорошая девушка, и он для нее будет самым красивым мужчиной на свете, несмотря на все его шрамы.

— И ему не нужно будет превращение? Разве так бывает?

— Бывает. И очень часто.

Маришка надолго задумалась. Талое мороженое стоит нетронутым.

— Заказать тебе еще порцию?

— Не, — машет головой из стороны в сторону, отчего косички подлетают и падают. — Не хочу.

И продолжает смешивать ложечкой две разноцветные пенки растаявшего мороженого.

— Пойдем домой? — невыносимо больше смотреть на страдальческое лицо малышки.

— Пойдем, — вяло отзывается дочка, кладет ложку и тихо выскользывает из-за стола.

Я тоже расплачиваюсь, и через минуту над нашими головами раздается тот же раздражающе-переливчатый колокольчик.

— Прогуляемся пешком? — предлагаю Маринке. Мысленно строю маршрут, который может поднять нам ей настроение.

— Давай.

Беру дочь за руку, идем с ней к пешеходному переходу, чтобы перейти улицу. Шоркая сандалиями, грустная кнопка идет позади меня.

Теплый ветерок играет под ногами с тополинным пухом. Скопления белых пушинок вдоль бордюра всегда приводит в восторг мою кроху. Она зовет его летним снегом и хохочет, когда коварные пушинки залетают в нос, вызывая чих.

Мы прошли уже несколько довольно-таки больших кучек пуха, а дочь молчит. И вообще как будто ничего не замечает вокруг.

— Мариш, смотри сколько голубей. Хочешь, купим булку и покормим их?

— Не хочу.

Что-то я не припомню, чтобы дочь могла так долго быть в упавшем настроении. Обычно ей пяти минут хватает переключиться на новое событие, открытие, выбрать другой предмет для идеи, снова стать привычной непоседой, а тут...

Идет, опустив голову и плечики, только косички с желто-зелеными резиночками на кончиках подпрыгивают в такт шагам. Жалко ее.

Стоим на светофоре, ждем зеленого человечка. Бодро зачитываю стишок, жду, что Маришка присоединится:

Если вспыхнет красный свет,

Значит, перехода нет.

Если желтый — стой и жди.

А зеленый свет — иди.

Маришка молчит, только носом шмыгает.

— Доченька, не плачь.

— А ты меня чем-нибудь заинтересуй, чтобы я не плакала, — бурчит, не поднимая головы.

И я даже знаю, что хочет дочь.

— Собаку не куплю. И кошку тоже. Максимум хомячка.

Загорается зеленый свет, переходим дорогу. Если дочь согласится на хомяка, то надо снова менять маршрут и топтать в сторону зоомагазина. Но я надеюсь, что она хомяка не захочет. Ее желание — собака, причем не важно, какой породы, лишь бы была.

А куда нам в скромную двушку, где живут три человека, еще и собака?

Едва мы оказываемся на другой стороне от кафе, как слышим рядом шуршание шин и тихий звук мотора — белая иномарочка с тонированными стеклами останавливается на обочине проезжей части.

Дверь открывается и из машины появляется знакомая широкоплечая фигура с зеркальными очками на глазах.

— Девчонки, так что там насчет мильена идей? Обсудим по дороге? Прощу в карету, — и распахивает заднюю дверь авто, приглашая нас внутрь.

Глава 3. Нельзя садиться к незнакомым дяденькам в машину!

Елена

— Прощу в карету, — чудовище распахивает заднюю дверь авто, приглашая нас внутрь.

— Мама, идем! — тянет меня к белой иномарке ожившая дочь.

От плохого настроения у ребенка не осталось и следа, а о собаке-кошке-хомяке она мгновенно забыла. И я пока не понимаю, хорошо это или плохо.

Каждой клеточкой одеревеневшего тела чувствую, как владелец авто сканирует меня сквозь стекла зеркальных очков. Почему я как назло сегодня забыла свои солнцезащитные очки? Почему сейчас приходится прятать растерянный взгляд, смотря себе под ноги, лишь бы не пялиться на чудовище?

— Марина! Так нельзя! — дергаю ее за руку, чтобы приструнить. — Нельзя садиться к незнакомым дяденькам в машину!

«Особенно к чудовищу, которому ничего не стоит поцеловать незнакомую женщину на виду у всех и свести ее бабочек с ума!»

